

Александра Садовская

Страшная штука — женщина, и обращаться с ней нужно, как с ручной гранатой.

А. Аверченко

Сегодня уже невозможно установить, когда и при каких обстоятельствах писатель познакомился с актрисой Александрой Яковлевной Садовской. Не подлежит сомнению одно: в 1912 году их роман был в полном разгаре. Вышедший в том же году сборник рассказов Аверченко «Круги по воде» имел посвящение этой женщине. Это о многом говорит: писатель счел необходимым открыто заявить о своем увлечении, несмотря на то, что его возлюбленная была замужем.

Муж Садовской, Анатолий Левант, некоторое время работал антрепренером Нового драматического театра (улица Офицерская, 39), в труппе которого с 1908 по 1911 год играла его жена. На сцене этого театра и мог увидеть Садовскую Аверченко.

Если условно считать датой начала их романа 1912 год, то ему тогда было 32 года, а ей 24. Несмотря на молодость, Александра Яковлевна многое пережила. Вот что она рассказывала о себе:

«Родилась я в г. Казани в 1888 г. Детство мое прошло в мрачной обстановке скитов. С двух лет я почти не виделась с отцом. Студент Казанского университета, он, по настоянию деда, принужден был бросить занятия и уехать в Петербург в поисках работы. Я была оставлена на попечении бабушки и жила у нее до 14 лет. Приехав в Петербург, я была ошеломлена совсем новым и чуждым миром. Среди знакомых и товарищей отца было много актеров и писателей — земляков-казанцев. Таким образом, я встретила с Е. Н. Чириковым, автором „Евреев“, Найденовым, автором „Детей Ванюшина“. Жилось нам с отцом трудно. Он едва сводил концы с концами, служа в какой-то меховой фирме и получая грошовое жалованье. Отца, конечно, очень угнетала моя дикость и безграмотность. Он чувствовал себя виноватым передо мной за то, что, сам неверующий, свободный от религиозных предрассудков, он сумел вырваться из своей среды, а меня оставил там. Средств и возможности у него не было, чтобы дать мне образование в гимназии. Но, на мое счастье, моя двоюродная сестра занялась моим воспитанием и кое-как подготовила меня к 5 классу гимназии.

Мне не было еще 17 лет, когда мой отец умер. Через полгода после его смерти я вышла замуж. Муж был доктором и культурным человеком, любившим искусство. Он много мне помогал в моем развитии. Непродолжительные поездки за границу расширили мой кругозор. Посещение музеев и театров Парижа и других европейских городов оставило огромный след и обогащало воображение. И я стала уже по-настоящему готовиться к сцене. В театральную школу я поступить не могла, так как обязательное для этого гимназическое образование мое не было закончено.

Я начала брать уроки сценического искусства у Ев. Пав. Карпова^[43], а позднее и у Ан. Пав. Петровского, у которого была своя студия. И я вместе с его учениками брала уроки пластики, танцев и слушала лекции.

В 1908-м я выступила уже как актриса в театре <...> (на Мойке, бывший театр Яворской), где режиссером был Е. П. Карпов. Первая же роль в пьесе „Их четверо“ <...> обратила на себя внимание театральной общественности. А. Р. Кугель в „Театр и искусство“ написал хороший отзыв обо мне. И другие журналы и газеты тоже откликнулись доброжелательно <...> Начала я свою артистическую деятельность среди больших мастеров того времени — П. В. Самойлов, Н. Н. Рыбников, Д. А. Александровский, Т. С. Свободин. С пьесой „Их четверо“ меня приглашали на гастроли в провинцию. Мне пришлось играть в Ростове-на-Дону <...> Следующий сезон я служила в Новом драматическом театре. <...>

С 1910 г. по 1923 г. я работала в Павловске в железнодорожном театре. Павловск — это был филиал Александринского театра, где работа шла под руководством А. П. Петровского <...> («Автобиография А. Я. Садовской»). Роман Аверченко с Садовской протекал бурно. Вот они, закутавшись в шубы, мчатся вдвоем в «моторе» по Каменноостровскому проспекту в сторону Черной речки. Здесь, на севере столицы, их ждут пиршественный стол и крахмальные скатерти зимнего кафешантана «Вилла Родэ». На самом деле, это никакая не вилла, а обыкновенный ресторан с румынским оркестром, приглашенными знаменитостями артистического мира, коньяком и шампанским. Сколько раз они видели здесь Распутина, Александра Блока. Аверченко, склонившись к Садовской, читает ей стихотворение Блока о «Вилле Родэ»:

Я сидел у окна в переполненном зале.

Где-то пели смычки о любви.

Я послал тебе черную розу в бокале

Золотого, как небо, ай^[44].

Аверченко у входа встречает сам хозяин — Адольф Родэ — и ведет к столику. С Аркадием Тимофеевичем многие посетители раскланиваются, а Садовскую провожают глазами, ведь у ресторана — дурная репутация. Считается, что дамам бывать здесь неудобно. (Корней Чуковский и первая жена Куприна Мария Карловна Давыдова вспоминали, что в «Вилле Родэ» имелся «первоклассный притон», весьма популярный среди «золотой молодежи».) Как видно, репутация Аверченко служит для Садовской хорошей гарантией.

Их любовная связь быстро переросла и в творческий союз. Весной 1912 года они вместе гастролеровали в Одессе, Кишиневе, Киеве, Ростове-на-Дону, Харькове (здесь Аверченко наверняка показывал Садовской места своей юности).

Два года спустя, в мае 1914 года, они вновь едут вместе на гастроли по Волге. Выступают в Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Самаре, Сызрани, Саратове, Царицыне, Астрахани.

О том, как вел себя Аверченко по отношению к Садовской, оставила воспоминания Тэффи:

«Аверченко был молодой, красивый и приятный и, конечно, немало времени отдавал жизни сердца. Он долго дружил с милой актрисой Z, но, конечно, не был суров и по отношению к другим поклонницам своего таланта. Среди них

оказалась очень видная представительница петербургского демимонда, прозванная „Дочерью фараона“, потому что отец ее был городовым, а у нас тогда городовые носили кличку фараонов. Эта „Дочь фараона“ часто бывала за границей, много читала и выровнялась в светскую даму.

Как-то Аверченко сговорился с ней позавтракать. Сказал своей актрисе, что у него очень важный деловой завтрак. И вот как раз, когда он под ручку с „Дочерью фараона“ входил в ресторан, мимо проезжала на извозчике та самая актриса и увидела их.

— Вы говорили, что у вас деловое свидание? Так вот, я видела, с каким деловым человеком вы пошли в ресторан! — укоряла его Z.

— Видели? — невинно спросил Аверченко. — Чего же тут удивительного. Эта дама и есть тот деловой человек, с которым мне очень важно было поговорить. Она ведь... очень известная... это самое... она антрепренерша нескольких театров на юге... то есть в Харькове, в Ростове... и вообще. Уговорил ее поставить мои пьесы.

— Антрепренерша? — оживилась актриса. — Ради Бога, познакомьте меня с ней. Я мечтаю поиграть один сезон в Харькове.

— Ну конечно, с удовольствием. Только она сегодня утром уже уехала...

Актриса очень сожалела.

Месяца через три были именины Аверченко, которые он всегда многолюдно праздновал в ресторане „Вена“. <...> Среди гостей оказалась и „Дочь фараона“. Она поднесла имениннику золотой портсигар с бриллиантовой мухой — ну как же можно было не пригласить такую „поклонницу таланта“. Но тут произошел неожиданный пассаж. Как только вошла в кабинет актриса Z., так тотчас же и узнала знаменитую антрепренершу всех южных театров. Сейчас же подседа к ней и начала очаровывать. Как выкрутился из этой истории Аверченко, он мне не рассказывал, но, очевидно, „вырвался“ благополучно, или выручил кто-нибудь из друзей» (Тэффи. Мои современники).

Видимо, отношения Аверченко и Садовской не были безоблачными: у него бывали увлечения другими женщинами, иногда он был подвержен переменам настроения. По воспоминаниям Ефима Зозули, однажды Аверченко сказал ему: «Знаете, Зозуля, я не хвастун, но я много хорошего получил от жизни: хлебнул я и славы, знал и знаю женщин, товарищи относятся ко мне прекрасно, денег у меня более, чем достаточно, могу позволить себе все, что хочу... Но, знаете, Зозуля, о чем я мечтаю, как о единственном высшем счастье? О, если бы мне удалось это осуществить! Я был бы счастлив, если б мог построить большую яхту, какое-то судно для океанского плаванья, которое управлялось бы несколькими людьми, и чтобы я был один на этом судне, совершенно один... Верьте, годами не пристал бы к берегу... Серьезно».

Аверченко мог нанять извозчика и часами один колесить по Петербургу, наблюдая его жизнь. Ездил на стрелку Елагина острова любоваться закатом. Мог купить букет фиалок и радоваться, как ребенок, красоте цветов. Иногда на него накатывало мистическое настроение, и тогда квартира наполнялась иконами и запахом ладана...

Роман Аверченко и Садовской был длительным, но все-таки они расстались. Почему? На этот вопрос писатель сам отчасти ответил в рассказе «Бритва в киселе» (1915). Герой его, литератор Ошмянский, — медлительный и ленивый философ, очень напоминающий автора. Его всячески пытается женить на себе драматическая артистка Бронзова, деятельная и инициативная. Он вроде бы ей и не возражает, но ничего и не предпринимает. В конце концов, она кричит: «Помнишь, я при первом знакомстве назвала тебя киселем, а ты меня бритвой. Пожалуй, так оно и есть. Я — бритва, я хотела, чтобы все было по-моему, я мечтала о счастье, я знала, что ты безвольный кисель, и поэтому мое было право — руководить тобой, быть энергичным началом в совместной жизни... Но что же получилось? Бритва входила в кисель, легко разрезывала его, как и всякий кисель, и кисель снова сливался за ее спиной в одну тягучую аморфную массу. Бритва может резать бумагу, дерево, тело, все твердое, все определенное — но киселя разрезать бритва не может! Я чувствую, что я тону в тебе, и поэтому ухожу!»

Наши длительные поиски хоть каких-нибудь дополнительных сведений о Садовской неожиданно привели в Оренбург. Оказалось, что с 1934 года актриса работала в местном драматическом театре имени М. Горького, в музее которого сохранились о ней материалы. Директор музея Мария Николаевна Рябцева сообщила, что Садовская оставила огромный след в жизни театра. О ней и по сей день рассказывают молодым актерам и гордятся ею не менее, чем тем, что в 1952–1953 годах в театре играл Леонид Броневой. (Здесь будущему шефу гестапо из фильма «Семнадцать мгновений весны» предложили сыграть роль молодого Владимира Ульянова в спектакле «Семья».)

— Да, это наша Садовская, — рассказала Мария Николаевна. — Мы совершенно случайно узнали о ее романе с Аверченко. Она конечно же всю жизнь скрывала... Об их связи мы узнали от Олега Евгеньевича Милохина, мать которого — актриса петербургского театра «Фарс» Лидия Ивановна Куровская — в 1914–1917 годах встречалась с Садовской и Аверченко в ресторане «Вилла Родэ». Спустя многие годы Куровская, как и Садовская, оказалась в Оренбурге. Две женщины часто общались и вспоминали Петербург.

Материалы, которые предоставила в наше распоряжение Мария Николаевна, позволили в общих чертах восстановить картину жизни Александры Садовской после революции. Наиболее подробные сведения содержатся в «Автобиографии», которую уже приводили выше и приводим далее в незначительном сокращении:

«Там (в Павловском театре. — В. М.) я работала до революции, а с приходом советской власти я оставалась во главе этого дела и одновременно я работала как заведующая художественной частью при детскосельском^[45] политпросвете, куда меня направила на работу М. Ф. Андреева, кот<орая> в то время возглавляла зрелищные предприятия Петрограда. Кроме того, с 1918 до 1921 г. очень часто была в культурно-просветительных поездках по Сев<еро>-Западному Краю <...> В 1920 г., обслуживая военные части Сибирского полка около Витебска, мне выпало большое счастье встретиться

с Михаилом Ивановичем Калининым. Перед нашими концертными выступлениями проводились митинги, которые вел Михаил Иванович. Его простота, чудесное товарищеское отношение к нам, актерам, надолго остались в моей памяти.

С 1923 г. я уехала из Ленинграда на периферию и работала во многих городах и не всегда стремилась в крупные центры. Я была в Пскове, Саратове, Астрахани, Уфе, Челябинске, Ашхабаде, Иваново-Вознесенске, Оренбурге, Кузнецке, Рыбинске, Муроме, Вятке, Чебоксарах, Саранске и опять Оренбурге (ныне Чкалове), где я уже работаю 11-й год и где меня избрали депутатом Горсовета. Мне приходилось очень много обслуживать заводов и фабрик в районе Горький, Ярославль и Рыбинск. Во всех сезонах я занимала ведущее положение героини» (1945 год).

В годы Великой Отечественной войны актриса тоже была в строю. Вот что писал о ней оренбургский корреспондент А. Анастасьев в статье «Александра Садовская», опубликованной в 1945 году в местной газете (к сожалению, название не указано) в рубрике «Знатные люди Южного Урала»: «В трудный сорок второй год в Чкаловском театре имени Горького шла пьеса „Русские люди“. Спектакль был далек от совершенства, но среди позабытых образов до сих пор живет Мария Николаевна Харитонова — скромная, по-русски отважная женщина. Сколько тоски и страдания было в ее глазах, когда она смотрела на предателя-мужа, какую внутреннюю силу излучала она в момент отравления гестаповского офицера!

Марию Николаевну играла Александра Садовская. В тот год она узнала горе войны, она потеряла на фронте сына и вложила всю свою душу художника, гражданина и матери в этот сценический образ.

Почти сорок лет играет Садовская на сценах русского театра. В ее памяти хранятся светлые образы великих художников. Давыдов, Варламов, Савина, Комиссаржевская, Самойлов, Южин были ее партнерами. У корифеев русской сцены училась Садовская нести в народ правду реалистического искусства. И эта школа не пропала даром. Самое ценное, что есть у Садовской, — это подлинный сценический реализм, умение без всяких внешних эффектов захватить зрителя правдивостью своей героини.

Когда-то актеров называли по именам прославленных драматургов. Если попытаться таким образом определить характер дарования Садовской, то нужно сказать: это актриса Островского. И дело не только в том, что она сыграла множество ролей в пьесах русского драматурга, а в том, что ее выразительные средства соответствуют самой сущности персонажей Островского. Главное для Садовской — речевая характеристика образа.

Обычно во время репетиций своих пьес Островский находился за кулисами и только слушал: как говорят актеры. Характер и звучание речи подсказывали автору, верно ли написан персонаж, верно ли играет актер.

Это внимание к слову переняла Садовская у своих великих современников. Как-то после спектакля М. Г. Савина похвалила молодую артистку, но заметила: „Только говоришь ты непонятно, глотаешь слова“. С тех пор Садовская постоянно совершенствовала свою речевую культуру, и сейчас мы можем сказать: вот у кого может научиться правильно говорить по-русски молодая театральная поросль нашего города.

...Шумно в доме Фамусова. Раздаются громкие голоса девиц, слышна музыка. Но вот на сцену вышла Хлѣстова — Садовская, и зрители слушают лишь ее одну. Говорит она тихо, но каждое слово будто отливает, и слова, цепляясь друг за друга, образуют плавную, немного замедленную московскую речь. Да, так говорили и говорят в Москве.

Речевые интонации ясно обнаруживают внутреннее содержание образа Хлѣстовой. Вот она кончила рассказ об арапке и услышала раскатистый смех Чацкого. Садовская все так же неподвижно сидит в кресле и лишь по звучанию одной фразы мы поняли: это не добрая, милая старушка, а властная крепостница. Так выразительно произносит актриса слова: — Кто этот весельчак? Из звания какого?

Александра Яковлевна Садовская — старейшая артистка Чкаловского театра имени Горького. Одиннадцать лет продолжается ее дружба с чкаловским зрителем. Бывала она и раньше в Оренбурге.

Вот почему с особой радостью встретили чкаловцы Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении А. Я. Садовской почетного звания заслуженной артистки республики».

Нам удалось разыскать человека, который знал Садовскую. Это заслуженный артист Российской Федерации, актер Оренбургского драматического театра имени М. Горького Александр Иванович Папыкин. Он вспоминает об актрисе, как о женщине исключительно светской, бесконечно обаятельной и несколько рассеянной. По его словам, она была очень талантливой актрисой и настоящей легендой Оренбурга.

У Садовской было трое детей. Один из ее сыновей, Яков Левант, родившийся в 1915 году в Петрограде, чрезвычайно нас заинтриговал. Он появился на свет как раз тогда, когда, судя по произведениям Аверченко, их отношения с Садовской достигли пика. Более того: Яков Левант — геодезист, фронтовик, участник прорыва блокады Ленинграда — после войны стал... писателем-фантастом и драматургом (!).

Это не могло не навести на мысль: не сын ли он Аверченко?

А. И. Папыкин, как оказалось, лично знал и Якова Леванта. Между нами состоялся разговор на эту деликатную тему:

— Александр Иванович, а Яков Анатольевич никогда ничего такого не говорил, не намекал? Вы говорите, у него были сложные отношения с матерью. Может быть, он о чем-то догадывался?

— Да о чем он мог догадываться? Фамилия Аверченко вообще никогда не звучала. Я сам узнал о его романе с Садовской совсем недавно...

— Ну, может быть, он был похож на Аверченко? Вспомните!

— Мне никогда не пришло бы это в голову. А вот сейчас вы сказали, и я засомневался... Постойте, посмотрю портрет Аверченко... А вы знаете, ведь что-то есть!!! Нос, пожалуй, овал лица... Яков Анатольевич был высоким, выше среднего роста, полным...

— Рыжеватым?

— Нет. Брюнет.

— А черты характера? Чувство юмора?

— Чувство юмора было своеобразное — такое мрачноватое... Вы знаете, он был интересным человеком. Очень самокритичным... Был такой случай.

Однажды я читал его фантастическую повесть на телевидении в прямом эфире. Яков Анатольевич стоял позади камеры и кусал ногти, нервничал... Потом отозвал меня в коридор телестудии и сказал: «Вы так талантливо прочли мою омерзительную прозу. С вашей подачи я понял, насколько я бездарен. Я прошу вас, не откажитесь. Я хочу вас угостить ужином». И мы поехали в вокзальный ресторан, долго там он бил себя в грудь и просил прощения за то, что заставил читать свою гнусную прозу. После того вечера мы и подружился... Наш театр ставил сказки по его сценариям.

Сын или нет? Как знать...

Резюмируем: Садовская, как и Аверченко, не имела даже среднего образования, что, как видно, компенсировалось деятельным характером и прилежанием. Она была младше своего возлюбленного на 8 лет и пережила его на 31 год (умерла в 1956 году в Оренбурге). К огромному сожалению, актриса никому не рассказывала о своем знаменитом поклоннике и дневников не оставила, но отзвуки романа с ней явно ощутимы в творчестве Аверченко. Многие его произведения (рассказы «Хвост женщины», «Окружающие», «Обыкновенная женщина») содержат мучительные авторские размышления о том, стоит или не стоит жениться. В повести «Подходцев и двое других» (1917) главный герой — alter ego Аверченко — «заболевает женитьбой», приводя в ужас своих друзей-холостяков. Расставшись очень скоро с женой, Подходцев делает окончательный выбор между любовью и дружбой (в пользу последней). Сегодня, имея в распоряжении фотографии Александры Садовской, мы можем предположить, что портретное сходство с ней сохраняет Вера Антоновна — жена героя автобиографического романа Аверченко «Шутка Мецената» (1923): «...высокая пышная брюнетка с мраморным телом и глазами, как две звезды, освещавшими матово-бледное лицо».

Впрочем, Аверченко, похоже, действительно любил Садовскую. Находясь в эмиграции, он интересовался ее судьбой в письме к Марии Марадудиной. В архиве писателя есть загадочный список более чем из 80 женских имен и фамилий; некоторые из них подчеркнуты^[46]. Исследователь архива писателя А. В. Молохов, видимо, не без основания предположил, что это «донжуанский» список, составленный в часы досуга для развлечения. Если это действительно так, то фамилия Садовской занимает в этом списке первую позицию. Однако тот факт, что такой список существует, говорит о том, что Александра Яковлевна в жизни писателя была далеко не единственной.